

Калининградской области тесно связана с Евросоюзом: доля ЕС-27 во внешней торговле региона составляет 75-80%. Поэтому Евросоюз, в свою очередь, также заинтересован в создании выгодных условий для торгово-экономического сотрудничества с этой областью.

3. Реализация проекта «Пилотного региона» российско-европейского сотрудничества и партнерства. Именно этот сценарий рассматривается как наиболее перспективный и желаемый. В отличие от двух предыдущих он является позитивным для всех сторон. Концепция пилотного региона предполагает возможность использования Калининградская области в качестве экспериментальной площадки сотрудничества России и Евросоюза. Другими словами, решения, которые по различным причинам представляется невозможным принять и практически реализовать в настоящий момент в отношениях между Россией и ЕС (введение безвизового режима, создание общего экономического пространства и др.), можно применить в опережающем темпе в Калининградской области, что отвечало бы интересам как самой области, так и интересам России и Европейского союза. Таким образом, Калининградская область как пилотный регион могла бы содействовать формированию нового качества отношений между Россией и Евросоюзом.

МОТИВ АБСУРДА В ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМЕ И ЕГО РЕМИНИСЦЕНЦИИ В ИСКУССТВЕ ПОСТМОДЕРНИЗМА

Ю. А. Лень

Ничего не имеет значения. Но во всем есть смысл. – эти слова стали девизом философских исканий 20 века – века Человека в поисках смысла. В 20 веке Человек разочаровался в достижениях науки, ибо прогресс не принес долгожданного благоденствия, разочаровался в привычной картине мира, которая не могла уже все достоверно объяснить, особенно того ужаса и абсурда, который обступал человека. Разум не оправдал возложенных на него надежд, когда мир вслед за смертью Бога утратил смысл и обратился абсурдом. Место человека разумного занял человек абсурдный. Человек усомнился в разумности мира, и взбунтовался против него. Он лишил себя последних иллюзий, а по мнению Камю, *«если вселенная лишается иллюзий, человек становится в ней посторонним»* [2, с.39]. Итак, вопрос: действительно человек абсурда посторонний в этой вселенной, подобно г-ну Мерсо из повести Камю? И так уж ли безоговорочно пессимистичен абсурд? 20 век представил широкую палитру вариантов решения этого вопроса.

Для начала обратимся к словарю: толковый словарь определяет абсурд как нелепость, бессмыслицу. Согласно мнению Фрейда, это «свое-

образный бунт против тирании рассудка» [5, с.20]. Исследуя абсурд как философскую категорию, Камю писал, что «... абсурд есть предельное напряжение между его неразрешимостью и стремлением его разрешить» [2, с.28].

1-ый, для кого абсурд стал главным художественным средством, стал Франц Кафка. Именно в его творчестве – в новелле «Превращение» – впервые появляется стена – символ ограниченности человеческого существования, которое сковано бременем тела и сознанием собственной конечности. Коммивояжер Грегор Замза превратился в насекомое и оказался навеки заперт в стенах своей комнаты. Единственное, что ему остается – ждать смерти в одиночестве и непонимании. Эти же стены окружают героев Камю и Сартра.

Йозеф К., герой романа Кафки «Процесс», живет в вечном страхе и неведении, а умирает, по его же собственному выражению, вообще, как собака.

Мало кто писал человека с такой маленькой буквы, как Кафка. Абсурдность мира буквально придавливает героев его произведений, трагедия которых состоит в том, что они так и не смогли понять, что происходит, а жизнь уже прошла. Они стали жертвами абсурда.

Так же, как и персонажи нашумевшего не так давно фильма Серебренникова «Изображая жертву». Они не живут, они лишь изображают: кто жертву, как например главный герой, кто преступника, чья вина не ставится под сомнение, кто следователя. Все ломают комедию, больше смахивающую на трагедию. Происходящее не реально, а гиперреально. Мир вывернут наизнанку. Главный герой зарабатывает деньги тем, что изображает жертву преступлений во время следственных экспериментов, а в конце фильма сам совершает тройное убийство. Преступления до абсурда ужасны, преступники до абсурда смешны, результаты всех следственных экспериментов заранее известны: подозреваемый будет обвинен. Никто не собирается доказывать его вину, ибо он виновен априори. Логика следователя до боли напоминает рассуждения офицера из новеллы Кафки «В исправительной колонии» с его безапелляционным заявлением *«виновность всегда несомненна»* [3, с.70].

Вслед за ним к теме абсурда обращается А. Камю. В его творчестве эта категория занимает значительное место. Его герои, в отличие от кафкианских, обладают достаточным мужеством чтобы ясно осознать абсурд, который становится их способом существования. Таков Калигула, самый разумный из безумцев. Он заглянул в зияющую пропасть небытия, и с тех пор не боится смерти. А потому он свободен. Абсурд состоит в том, что он хочет научить свободе других, ограничив ее до предела.

Калигула, у которого *«болит кожа, и грудь, и ноги»* из-за того, что не может *«сделать так, чтобы солнце садилось на востоке, чтобы страдание исчезло, чтобы люди не умирали...»* [1, с.440] становится для своих подданных главным источником страданий. Калигула – воплощение хаоса, по его собственным словам, он *«подменил собой чуму»*.

Чума – архетипический символ бедствия, непостижимого для человека. «Чума» Камю – модель жизни. Однажды жители Орана – осажденного чумой города – превратились, говоря словами Гофмансвальдау, в *«скопище больных в чумном бараке»*, а родной город стал для них *«тюрьмой, куда мы заперты бедой»*. Осознав, что чума – смерть – может забрать любого в любой момент и никто не застрахован от нее, люди как никогда остро ощутили её реальность.

Казалось бы, прав Пабло Ибиетта, герой рассказа Сартра «Стена», ибо человек *«утратил надежду на бессмертие, и какая разница, сколько тебе осталось ждать – несколько часов или несколько лет»* [6, с.185].

Несмотря на все вышесказанное, можно утверждать, что Камю оптимист. Ибо осознание абсурда лишь на первый взгляд лишает жизнь всякого смысла.

Истинная мудрость, с точки зрения Камю, состоит в том, чтобы, даже осознавая бренность бытия, продолжать выполнять свой долг. Именно поэтому А. Камю считал Сизифа самым счастливым героем античных мифов.

Любовь – еще один способ обретения смысла, как для Камю, так и для Сартра. Герой повести Ж.-П.Сартра «Тошнота» Антуан тоскует по утраченной любви, которая придавала его жизни смысл.

В ней же находят спасение и герои «Чумы» А. Камю.

С основными темами экзистенциальной философии перекликается творчество известного русского абсурдиста Д. Хармса. В поздних рассказах Хармса абсурд стал реакцией на трагичность земного бытия, единственным способом выражения неразрешимых вопросов и запретных тем. Старуха из одноименного рассказа Д. Хармса воплощает смерть, приходящую в неизвестный нам час из ниоткуда, и повергающую нас в ужас и панику. В этом рассказе многие видят откровенные намеки на советскую действительность конца 1930-х гг.

Критики отмечают, что во многом русский постмодернизм вырос из Хармса. Мотивы классики, сюрреалистические мотивы, мотив дурного сна – все это можно найти в фильме «Изображая жертву»: например, аллюзии на Шекспира, сны главного героя.

Схожие абсурдистские мотивы прослеживаются в творчестве современного белорусского художника, философа, публициста Артура Клино-

ва, в частности в его проектах «Бар-колумбарий» и « Минск – город Солнца». Традиционная атмосфера презентаций проектов Клинова – трагикомическое веселье. Барочные мотивы *Vanitas Mundi*, невероятное сочетание быта и бытийности, пепел культуры в баре колумбарии, и Минск, город неудавшейся утопии.

Как мы видим, абсурд в искусстве поочередно становится то объектом исследования, то художественным средством. В данном случае функция абсурда – сложит сигналом СОС. С его помощью автор пытается обратить внимание на проблему, которая уже воспринимается как норма, настолько привычной она стала. В условиях массовой заторможенности или массовой истерии, одинаково страшных, пощечина может оказаться спасительной.

Именно так – «*пощечиной в стиле абсурда*» [4, с.40] – назвала критик Галина Облезова спектакль «Носорог» по пьесе Э. Ионеску в постановке Марка Розовского.

Театр абсурда по-прежнему актуален, и неважно, где происходит действие, если ужасы и картины насилия становятся привычными. Только в гротескной, абсурдной форме можно выразить масштабы болезни, имя которой – конформизм, бездушие и тупость.

Именно в 20 веке абсурд стал наиболее очевиден, все кошмары и дурные сны Кафки стали явью. Однако, как уже было сказано, абсурд нельзя воспринимать только как негатив, как потерю смысла. Ибо он, по словам Делеза, стал путем поиска нового смысла.

Литература

1. Камю А. Калигула / А. Камю // Камю А. Избранное: Сборник. Пер. с франц. – М., 1988. с.411–462.
2. Камю А. Миф о Сизифе / А. Камю // Камю А. Миф о Сизифе; Бунтарь. – Минск., 2000. с.24-100.
3. Кафка Ф. В исправительной колонии / Ф. Кафка // Кафка Ф.: Сборник. Пер. с нем. – М.: Издательский дом «Звонница», 2001. с.66–92.
4. Облезова Г. Пощечина в стиле абсурда / Г. Облезова // Новое время. – 2006. – № 6. с.40.
5. Санников В.З. Об истории и современном состоянии русской языковой игры. / В.З.Санников // Вопросы языкознания. – 2005. – № 4. с.3–20.
6. Сартр Ж.-П. Стена / Ж.-П. Сартр // Сартр Ж.-П. Стена: Избранные произведения. – М., 1992. с.177–195.

МЕТОДЫ ОЦЕНКИ ИНВЕСТИЦИОННОГО КЛИМАТА

М. С. Макаров

В связи с тем, что международные потоки инвестиций в современной мировой экономике играют очень важную роль, все чаще стало употреб-